

Модель репрезентации, построенная на количественно-качественной континуально-дискретной основе занимает промежуточное положение между альтернативными дискретно-приказовой и холистской теориями и может оказаться полезной при интерпретации когнитивных и коммуникативных явлений в их единстве и нетождественности.

Литература

- Аркадьев П.М. и др. Семиотическая концептуализация тела и его частей. I: Признак «форма» / П.М. Аркадьев, Е.Г. Крейдлин, А.Б. Летучий // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 78–97.
- Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х т. М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
- Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 637 с.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979. 152 с.
- Найссер У. Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 232 с.
- Шабес В.Я. О проекции содержательных единиц на план выражения // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 49–59.
- Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
- Шабес В.Я. Интерактивный сетевой словарь: мечта или реальность? // Теоретические проблемы языкознания: сб. ст. к 140-летию каф. общего языкознания СПбГУ. СПб., 2004. С. 459–465.
- Шабес В.Я. Типология градуальных репрезентаций // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2008. Вып. 11: Языковая вариативность / отв. ред. Т.И. Ерофеева; Перм. гос ун-т. С. 30–43.
- Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. № 2. С. 3–17.
- Cohen J., Stewart I. Figments of reality: The evolution of the curious mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 325 p.
- Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 272 p.
- Gibson J. The Ecological approach to visual perception. Boston: Houghton-Mifflin, 1979. 332 p.
- Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 614 p.
- Paivio A. Mental Representations: A dual coding approach. New York: Oxford University Press, 1986. 322 p.
- Rosch E. Human Categorization // Studies in Cross-Cultural Psychology / Ed. by N. Warren. New York; London: Academic Press, 1977. Vol. 1. Pp. 1–49.
- Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, plans, goals, and understanding: An inquiry into human knowledge structures. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Ass., 1977. 248 p.
- Tulving, E. Episodic and semantic memory // Organization of Memory / eds. E. Tulving and W. Donaldson. New York: Academic Press, 1972. Pp. 381–402.

Shabes V. et al. An Experimental Study of Russian and Swedish Value systems / V. Shabes, G. Bostedt, E. Troshchenkova, L. Ivarsson, U. Damber, T. Potapova. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.interdisciplinary.net/wp-content/uploads/2011/02/shabesipaper.pdf> (проверено 9.06.2011).

Т.И. Доценко*

Пермский государственный педагогический университет

КАТЕГОРИАЛЬНОСТЬ И МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН¹

Круг научных интересов Аллы Соломоновны Штерн – ведущего специалиста в области психолингвистики – был чрезвычайно широк: это теоретическая и прикладная лингвистики, речевая деятельность, билингвизм, усвоение языка детьми и лингводидактика. Любая лингвистическая проблема, привлекавшая внимание и входившая в круг интересов Аллы Соломоновны, всегда в той или иной степени была связана с главным делом ее жизни – моделированием процессов восприятия речи.

К понятию категориальности как свойству человеческой психики Алла Соломоновна обращается трижды в своем курсе лекций «Введение в психологию» для студентов-лингвистов, который был издан в 2003 году под редакцией Л.В. Сахарного, Т.И. Ерофеевой и Е.В. Глазановой. В этом издании категориальность рассматривается, во-первых, как свойство образа восприятия предмета (Штерн, 2003: 78–79), во-вторых, как необходимая составляющая механизмов восприятия речи (там же: 108–110) и, в-третьих, как единица хранения языковой информации (там же: 179–169). Такая последовательность включения понятия «категориальность» в курс лекций по психологии указывает на то, что А.С. Штерн понимает категориальность как фундаментальное свойство человеческой психики, связанное с восприятием, мышлением, языком и речевой деятельностью.

«**Категориальность**, или обобщенность, или осмысленность», определяется Аллой Соломоновной как «отнесение каж-

---

* © Доценко Т.И., 2011

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 11-14-59008 а/У.

дого образа к некоторому классу объектов, имеющему название (sic!)» (там же: 78). Другое определение, которое встречается на страницах Курса, формулируется следующим образом: «**Категориальность** – это отнесение конкретного объекта к классу объектов, имеющему название» (там же: 108).

Из данных определений следует, что категориальность – это такое свойство человеческой психики, онтологическими признаками которого являются **обобщенность** и **осмысленность**. Язык как средство познания окружающего мира неизбежно включается в процесс категоризации и фиксирует результаты этого процесса в определенном имени, или номинации (обратим внимание на знак «sic!»). «Благодаря названию обобщение становится понятным», – пишет А.С. Штерн (там же: 226). Наличие в лексической системе языка особых участков, представляющих собой абстрактные сущности разных ступеней обобщения, уже само по себе свидетельствует о том, что обобщение сопутствует любой номинации. Отсюда следует, что любое имя, с помощью которого полученные знания фиксируются, хранятся и передаются другим в процессе речевой коммуникации, представляет собой название класса относительно однородных объектов, обладающих общими свойствами.

Языковое сознание человека может обобщать и объединять в категориальные классы не только материальные, но и идеальные объекты, сенсорные и перцептивные образцы, оценки и эмоции, частотность, социальные стереотипы и эталоны поведения, которые отражают совокупный индивидуальный и общественный опыт. Иными словами, «вне способности к категоризации мы не смогли бы функционировать вообще – ни в материальном мире, ни в социальной и интеллектуальной жизни» (Лакофф, 2004: 143).

В исследованиях Аллы Соломоновны Штерн и ее учеников категория, будучи классом однородных психолингвистических объектов, трактуется прежде всего как вероятностная структура, которая организуется частотными признаками. С помощью различных экспериментальных методик на материале разных языков А.С. Штерн была построена обобщенная модель восприятия речевых единиц по лингвистическим признакам (Штерн, 1992). В разработке этой модели активное участие принимали М.

Краузе (Краузе, 2002) и Т.Н.Чугаева (Чугаева, 2007). В рамках этого направления были построены модели перцептивных эталонов гласных русского языка (Ерофеева, Штерн, 1994) и модели семантических эталонов (Глазанова, Штерн, 1996). Под влиянием психолингвистической концепции Аллы Соломоновны была создана модель эпистемической модальности М. Краузе (Краузе, 2006). Не без влияния концепции идей А.С. Штерн и М. Краузе в рамках Пермской социопсихолингвистической школы под руководством И.Г. Овчинниковой была защищена кандидатская диссертация И.А. Углановой «Субъективная оценка слова и категоризация: онтолингвистический аспект» (Угланова, 2004). Результаты данных экспериментальных исследований позволяют утверждать, что всякая языковая (лингво-когнитивная) деятельность человека является осмысленной и совершается через обобщения.

Категориальность, будучи свойством языкового сознания, не может не проявлять себя в ментальном лексиконе. В коннекционистских моделях ментальный лексикон («ментальный словарь») рассматривается как лингво-когнитивное образование, организованное по сетевому принципу, или как «ассоциативно-вербальная сеть» (Караулов, 1993). В отличие от традиционного словаря, ментальный лексикон не просто фиксирует информацию о слове, а увязывает ее в единую сеть, где слова выступают в виде узлов сети.

При анализе структуры ментального лексикона разными исследователями было обнаружено, что ассоциативно-вербальные связи слова могут устанавливаться на основе **любого лингвистического признака**: фонетического, (орфо)графического, морфологического, синтаксического, лексико-семантического и вероятностного, т.е. на основе всей той лингвистической информации, которая связана у говорящего со словом (см., например: Emmorey, Fromkin, 1989). Вместе с этим фонетическая и (орфо)графическая информация о слове может интегрироваться в едином фонетико/(орфо)графическом комплексе (Garman, 1990). При доступе к значению слова взаимодействие фонетико/(орфо)графических связей и семантической информации осуществляется за счет одновременного функционирования целого ряда фонетических признаков: «длина слова»,

«ударный гласный», «ритмическая структура слова» и «сегмент» (Бочкарева, Доценко, 2005) Другая, морфологическая, информация находится под постоянным контролем синтаксических связей и в известной степени сопоставима с лексико-семантическими связями (Караулов, 1993, 1999; Сахарный, 1985; Овчинникова, 2006). Эти данные говорят о том, что качественно разные типы лингвистических связей могут пересекаться, взаимодействовать и интегрироваться, образуя при этом лингвистические комплексы разного наполнения.

Ментальный лексикон, являясь психологической реальностью, определяется А.А. Залевской как **«средство доступа к единому информационному тезаурусу**, т.е. полному объему хранимых памятью человека энциклопедических и языковых знаний, сопровождаемых эмоциональными впечатлениями и накладываемой на имеющиеся знания выработанной в социуме системой норм и оценок» (Залевская, 1999а:165). Взаимодействие языковых и энциклопедических знаний человека реализуется прежде всего в содержательной стороне ментального лексикона и обусловлено постоянным «выходом» индивида из «мира языка» в «картину мира» (Апресян, 1995) и речевую коммуникацию – как необходимую основу для коммуникативной и познавательной деятельности человека. Функциональная двунаправленность ментального лексикона обеспечивается тем, что в содержательной стороне слова-узла сосуществуют два типа значения: психологическое и системно-логическое (в другой терминологии – смысл и значение). Если психологическое значение повернуто к внутреннему контексту индивида, к его индивидуальной картине мира, то системно-логическое (или общеязыковое, коллективное) значение обеспечивает взаимопонимание между людьми в процессе коммуникации (Залевская, 1999б).

Оба значения, будучи включены в процессы коммуникативной и познавательной деятельности человека, сложным образом взаимодействуют друг с другом. При этом процесс взаимодействия двух типов значений не сводится к простому замещению, а представляет собой процедуру выбора из ряда спонтанно возникающих и конкурирующих между собой смысловых альтернатив, которые возникают в одних и тех же (или подобных) ситуациях и закрепляются в обобщениях. Лишаясь нюан-

сов смысла за счет обобщения, регулярные признаки, в конечном счете, сводят смысловое разнообразие к системным связям языка. Постоянное проецирование в процессах коммуникативной и познавательной деятельности одного значения на другое позволяет видеть за частным общее, а за общим – частное. Именно поэтому содержательная информация в ментальном лексиконе представлена разнообразными индивидуальными и системными семантическими связями: парадигматическими, синтагматическими, тезаурусными (тематическими) и прагматическими.

Существующие методики исследования ментального лексикона (и более всего методика ассоциативного эксперимента) нацелены на выявление его семантических связей. Однако специалистам в области ассоциаций хорошо известен тот факт, что семантические связи, возникающие между узлами, зачастую не поддаются однозначной интерпретации. Объективность существования такой ситуации позволяет предполагать, что **в основе содержательной части ментального лексикона лежит не только система подвижных, постоянно перекликающихся многообразных индивидуальных и системных семантических связей, но и система разнообразных способов обобщения.** По-видимому, этими двумя факторами: многообразием семантических связей и способов обобщения – и объясняется возможность отнесения одних и тех же ассоциативных связей к разным группам внутри одной классификации.

Для исследования категориальной составляющей ментального лексикона обратимся к результатам классификационного эксперимента «дополни ряд» (Лурия, 1998), который проводился Т.В. Батыркаевой в дошкольных образовательных учреждениях г. Осы.

В эксперименте приняли участие 100 детей 6–7 лет. В качестве экспериментального материала нами были взяты три ряда слов, представляющие разные категории:

- *КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, ...;*
- *ШКАФ, ДИВАН, ...;*
- *ОКУНЬ, КАРАСЬ, ...*

Выбор категорий «посуда», «мебель», «рыбы» был обусловлен тем, что ко времени поступления в школу эти категории должны быть освоены детьми.

Участники эксперимента, отвечая на вопросы *Какие еще слова сюда подойдут, что еще можно добавить? Что это такое? Как все это можно назвать одним словом?*, должны были продолжить ряд слов и назвать имя категории.

Результаты данного эксперимента показывают, что у детей 6–7 лет процесс установления семантических связей осуществляется на основе разных способов обобщения: по семантическим признакам и семантическому комплексу. Рассмотрим подробнее каждый из этих способов .

1. Обобщение по семантическому признаку

При обобщении по семантическому признаку дети могут опираться на всю стимульную пару в целом (*ШКАФ, ДИВАН, тумбочка, стул*) или на один ее компонент (*ДИВАН, кресло, стул, табурет*). При этом интегральный семантический признак может быть представлен в ответах детей как имплицитно, во фрагментах цепочек слов (*КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, поварешка, нож, кружка...*), так и эксплицитно, в категориальном имени (*КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, сковородка, стакан, нож – кухонные предметы*). Подобные примеры убедительно показывают, что одни и те же семантические признаки не только включаются в процесс осмысления, но и выходят на уровень принятия решения и вербализуются в имени категории.

Обобщение может осуществляться по перцептивному, функциональному и пространственному признакам.

А. Перцептивный признак

Мы признаем, что источником формирования семантических признаков является перцепция. Перцептивные признаки – это такие признаки, которые сохраняют тесную связь с субстанцией и в то же время включаются в процессы обобщения сенсорным опытом ребенка (Lakoff, Johnson, 1980). По мнению Дж. Брунера, перцептивный признак, или перцептивное сходство, включает одинаковость цвета и формы (Брунер, 1977). И. Хоффман и М. Цислер называют такие признаки сенсорно репрезентативными и считают, что им свойственна, главным образом, наглядность (Hoffman, Ziessler, 1982). Однако материалы

нашего эксперимента показывают, что перцептивным признакам может быть свойственна не только наглядность, но и тактильность.

Например, *КАСТРЮЛЯ*, (*ТАРЕЛКА*), *чайник*, *кружка*, *ложка* – **железное**. Со словом **железное** у ребенка изначально увязывается информация о свойстве материала, из которого сделан объект, – «твердый на ощупь». Можно предполагать, что к дошкольному возрасту, с накоплением ребенком речевого и когнитивного опыта, чувственный перцептивный опыт обрастает другими видами знаний и со словом **железное** начинают связываться разные смыслы: и «твердый на ощупь», и «крепкий, небьющийся», и «сделанный из железа». В результате этого процесса слово **железное** в ментальном лексиконе дошкольника приобретает статус широкозначного (Барсук, 1990; Бубнова, Клименко, 2005).

Дополняя ряд (*ШКАФ*), *ДИВАН* словами *кресло*, *кресло-кровать*, *диван*, дети актуализируют перцептивный признак, основанный на сенсорном опыте, и закрепляют его в слове **мягкое**, которое со временем становится широкозначным (ср.: мягкая мебель).

Широкозначные слова, в которых закрепляются результаты осмысления, обобщения, вступая друг с другом в семантические связи типа «железное (твердое) – мягкое», формируют новую систему обобщения.

Б. Функциональный признак

Данный признак – это функциональное сходство, т.е. сходство по функции (Брунер, 1977), или объединение объектов на основе общей функции, общего назначения, которое называется Р.М. Фрумкиной функциональной классификацией (Фрумкина и др., 1991: 86). Например, *ОКУНЬ*, *КАРАСЬ*, *щука*, *рыба* – **они плавают, живут в воде**.

В процесс осмысления могут включаться разные функциональные признаки предметов: *КАСТРЮЛЯ*, (*ТАРЕЛКА*), *сковорода* – **в них готовят пищу**; (*КАСТРЮЛЯ*), *ТАРЕЛКА*, ... *чашка*, *кружка* – **из них едят, пьют**; (*ШКАФ*), *ДИВАН*, *кресло*, *стул*, *табурет* – **на них сидят**; (*ШКАФ*), *ДИВАН*, *кровать*, *стул*, *кресло*, *подушки* – **на них сидят, лежат**.

Функциональные признаки регулярно соотносятся детьми с именами категорий: *посуда, мебель, рыбы*.

Функциональные признаки предметов посуды: – «служат для приготовления, подачи и хранения еды и питья» (Лопатин, Лопатина, 1998: 490; Ожегов, Шведова, 1995: 56; Словарь современного русского литературного языка, 1960: 1566) – и мебели – «предметы для сидения, лежания, размещения вещей» (Ожегов, Шведова, 1995: 339) – становятся системными и фиксируются в толковых словарях современного русского языка.

В. Пространственный признак

По мнению Р.М. Фрумкиной, пространственный признак является основой для проведения ситуативной классификации (Фрумкина и др., 1991: 86). Например, *КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, чайник, кружка* – **(ø) стоит на столе**; *КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, кружка, ложка* – **(ø) бывает на кухне**. Дж. Брунер одинаковое положение в пространстве рассматривает как «перцептивное сходство» (Брунер, 1977).

По нашему мнению, обобщение на основе пространственного признака (впрочем, как и функционального) также обусловлено процедурой установления границы категории: пространственный признак регулирует объем категории, сужая или расширяя количество ее членов. Например, представление о *рыбах* у старших дошкольников базируется на общем признаке «обитающие в водном пространстве». На этом основании к категории *рыбы*, наряду с их бесспорными представителями (*щука, сом, ёрш* и др.), дети относят морских млекопитающих (*дельфин, кит, касатка, морж*), пресмыкающихся (*крокодил*), головоногих моллюсков (*осьминог*), ракообразных (*рак*) и даже животного (*дикобраз*).

Посуда в сознании детей увязывается либо пространством кухни: *КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, крышка, ложка, вилка, кружка; КАСТРЮЛЯ, ТАРЕЛКА, поварешка, нож, кружка*; либо пространством обеденного стола (*КАСТРЮЛЯ*), *ТАРЕЛКА, ложка, кружка; (КАСТРЮЛЯ), ТАРЕЛКА, ложка, вилка, блюдо; (КАСТРЮЛЯ), ТАРЕЛКА, чашка, вилка, стакан* и т.п.

Предметы *мебели* организуются в классы жилым пространством квартиры: *ШКАФ, ДИВАН, кровать, стенка, трюмо; ШКАФ, ДИВАН, шифоньер, стул, стол* и др. – или комнаты:

(ШКАФ), ДИВАН, кресло, стол; (ШКАФ), ДИВАН, телевизор, кресло, картина и др.

Актуализируемый пространственный признак вербализуется детьми в номинациях: *кухонная посуда, водные* (или *подводные*) *животные*.

Пространственный признак может становиться системным. В этом случае он фиксируется в структуре словарных дефиниций. Для слова *мебель* пространственный признак представлен как «предметы комнатной обстановки» (Лопатин, Лопатина, 1998: 286), «предметы обстановки» (Словарь современного русского литературного языка, 1957: 744); а для слова *рыба* – как «водные животные» или «животные, живущие в воде» (Лопатин, Лопатина, 1998: 603; Ожегов, Шведова, 1995: 678; Словарь современного русского литературного языка, 1961: 1602–1603).

Полученные данные показывают, что интегральные перцептивные, функциональные и пространственные семантические признаки репрезентируют существенные характеристики предметного мира и организуют семантическое пространство ментального лексикона, упорядочивая и систематизируя его связи.

2. Обобщение по семантическому комплексу

В едином пространстве ментального лексикона перцептивные, функциональные и пространственные признаки, постоянно пересекаясь и взаимодействуя друг с другом, могут формировать семантические комплексы.

По своему качеству семантические комплексы могут быть **однородными** и **неоднородными**. К однородным можно отнести перцептивные и функциональные семантические комплексы, которые возникают в результате сопоставления и обобщения разных перцептивных или функциональных признаков. Например, (ШКАФ), ДИВАН, стул, кровать, кресло «для сидения и лежания»; ШКАФ, ДИВАН, кресло, стул, тумбочка «для сидения и размещения вещей». Неоднородными могут быть перцептивно-функциональные или функционально-пространственные семантические комплексы, в которых обобщаются и закрепляются разные по качеству признаки. Так, опираясь на функционально-пространственный комплекс («плавают» и «водное пространство»), более половины детей (54%) продолжают цепочку

слов именно названиями рыб: *ОКУНЬ, КАРАСЬ, лещ, щука; ОКУНЬ, КАРАСЬ, щука, килька, селедка.*

Снимая индивидуальные различия между интегральными признаками, семантические комплексы формируют категории нового типа обобщения и оформляются конкурирующими между собой именами категорий: *мебель* и *вещи; посуда* и *кухонные предметы; рыбы* и *водные* или *подводные животные.* Конкуренция в выборе категориального имени опосредованно указывает на разную степень интенсивности типизированных признаков в семантических комплексах.

Показательным в этом отношении является следующий ответ информанта: *ОКУНЬ, КАРАСЬ, корабль, пароход – корабли.* Выбор такой стратегии обобщения объясняется тем, что в сознании ребенка представители природного мира «окунь», «карась» и артефакты «корабль», «пароход» оказались прочно связанными единым типизированным функциональным признаком «плыть, плавать», который поддерживается языковой системой и речевым опытом (*плавают корабли* и *плавают рыбы*). Яркость функционального признака на фоне пространственного признака «вода» дали ребенку возможность сконструировать категорию другого уровня обобщения – «плавающие предметы», обозначив ее существительным множественного числа *корабли.*

Полученные данные показывают, что семантические комплексы являются чрезвычайно подвижными структурами. За счет своей динамической природы они могут менять свой объем и конфигурацию: количество и качество признаков, их интенсивность, степень синтеза и уровень обобщения (интегральные и типизированные признаки). В зависимости от этого и сам узел может перемещаться с нижележащего к вышележащему уровню обобщения, и наоборот. Являясь нерасчлененными и подвижными, семантические комплексы таким образом прокладывают путь к абстрактному мышлению.

Все сказанное указывает на то, что наше сознание (наша мысль) постоянно сравнивает и противопоставляет словесные единицы. При этом слова-узлы не просто сопоставляются, а взаимодействуют друг с другом, притягиваются и отталкиваются по разным лингвистическим основаниям. Обнаружив сходство между узлами, наше сознание непременно включает их в про-

цессы обобщения и тем самым связывает между собой в едином пространстве языка. Именно поэтому единицы ментального лексикона никогда не остаются изолированными. Очевидно, что степень сходства между содержанием словесных узлов варьирует. Объем содержания и конфигурации семантических комплексов зависят от перцептивного опыта индивида, энциклопедических знаний и идентификации (осмысления, обобщения), чем определяется путь вхождения слова в ментальный лексикон (т.е. глубина процесса ассоциирования) и в целом вся система ассоциативных связей.

Литература

- Апресян Ю.Д. Избр. труды: 2-е изд., испр. и доп. М: Восточная литература, 1995. Т. 1: Лексическая семантика. 472 с.
- Барсук Л.В. Проблема идентификации значения слов широкой семантики // Психолингвистические проблемы семантики: сб. науч. тр. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1990. С. 31–39.
- Бочкарева Е.В., Доценко Т.И. Пути доступа к значению слова и ментальный лексикон // Научные чтения – 2004: прилож. к журн. «Язык и речевая деятельность». СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. Т. 6. С. 107–112.
- Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации / пер. с англ. К.И. Бабицкого; предисл. и общ. ред. А.Р. Лурия. М.: Прогресс, 1977. 418 с.
- Бубнова И.А., Клименко А.П. Структура когнитивной модели индивидуального значения слова в психолингвистической парадигме // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация / Калужск. гос. пед. ун-т. Калуга, 2005. С. 190–199.
- Глазанова Е.В., Штерн А.С. Градуальное измерение вербальной семантики // Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания: Семантика и коммуникация / под ред. Л.В. Сахарного. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. Вып 4: С. 177–189.
- Ерофеева Е.В., Штерн А.С. Различие в перцептивных эталонах как отражение вариативности языка // XI Всеросс. симпоз. по психолингвистике и теории коммуникации / Ин-т языкознания РАН. М, 1994. С. 69–71.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1999а. 382 с.
- Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания 1999б. № 6. С. 31–42.
- Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М.: Русский язык, 1993. 330 с.
- Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть / Ин-т рус. языка РАН. М., 1999. 180 с.